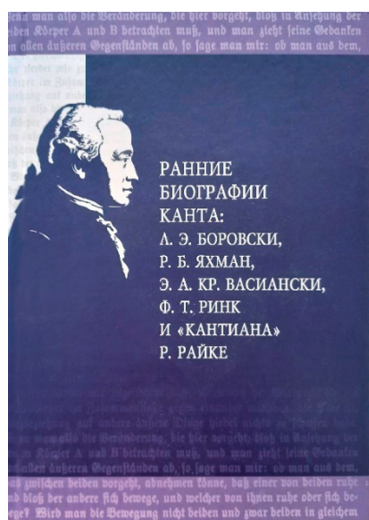

УГОЛОК КНИГОЧЕЯ

Ранние биографии Канта:

Л. Э. Боровски, Р. Б. Яхман, Э. А.

Васиански, Ф. Т. Ринк, и «Кантиана»

Р. Райке / пер. с нем. А. Н. Саликова под

ред. А. Г. Жаворонкова; предисл. А. Н.

Саликова, А. Г. Жаворонкова,

А. Н. Круглова; коммент. А. Н. Круглова.

Калининград, М.; СПб.: Изд-во БФУ
им. И. Канта; Центр гуманитарных
инициатив, 2024. 508 с. (Приложение
к журналу «Кантовский сборник»).

300-летие И. Канта ознаменовалось не только событиями, конференциями и конгрессами в честь великого немца, но и выходом замечательных публикаций, книг, монографий, сборников, посвященных наследию Канта.

К числу таких можно отнести достаточно уникальный сборник «Ранние биографии Канта». Здесь под одной обложкой впервые собраны русские переводы всех ранних биографий философа.

Публикацию предваряет обзорный очерк, в котором авторы и редакторы сборника описывают историю кантианы, создания серии его биографий, Начиная с самых ранних и заканчивая объемистым золотым канонам М. Кюна.

Одной из первых и наиболее известных ранних биографий является биография Л. Э. Боровски, впервые опубликованной в год смерти Канта.

Людвиг Эрнст Боровски (1740–1832), генерал-суперинтендант протестантской церкви, архиепископ. Его биография ценна тем, что она основана на личном общении автора с философом. Боровски учился у Канта несколько семестров в университете. Иногда в последние годы жизни Канта был участником известных кантовских застолий. Важно то, что черновики своей биографии он показывал самому Канту в 1792 году. Философ успел ее прочесть и дать рекомендации, высказать ряд замечаний, заметив, что данная биография может выступить лишь подготовительным материалом для посмертной биографии. При этом Кант попросил не публиковать эту биографию при его жизни. В итоге она была написана и опубликована в 1804. Исследователи указывают на многочисленные фактические неточности в этой биографии и слабое понимание автором существа концепции Канта. Но несмотря на это, Боровски сообщает нам целый ряд интересных и ценных деталей из жизни Канта, о которых известно лишь благодаря ей.

Также к ряду ранних биографий и одной из самых известных, опубликованных в год смерти философа, относится и биография, написанная Рейнгольдом Бернгардом Яхманом (1767–1843). Во многом эта биография также основана на личном общении автора с философом и на общении с его ближайшим

окружением, включая и своего старшего брата И. Б. Яхмана, который не только учился у философа, но и был одно время его секретарем. Наиболее тесно это общение пришлось на зрелые годы жизни Канта. В 1801 году Яхман вошел в первый состав общества друзей Канта, основанного У. Мотерби. Яхман также обсуждал с Кантом свой замысел биографии. В 1800 г. он обращается с просьбой к философу сообщить важнейшие с его точки зрения события своей жизни. Яхман даже составил анкету, состоящую из 56 вопросов для сбора материалов биографии. В ней есть разные вопросы, как посвященные частной жизни, так и преподаванию в университете. Например, такие: «Случалось ли какой-либо женщине иметь счастье вызвать к себе исключительную любовь и уважение?»; «Главные моменты изменений в философских воззрениях и причины этого, особенно перехода к критицизму?»; «Имело ли изучение Библии и некоторых теологических сочинений влияние на понятие практической философии?»; «Каким образом господин профессор был известен Фридриху II?».

Ответы Канта на эти вопросы не известны. Исследователи допускают, что их и не было. Хотя это конечно печально. Было бы интересно, как философ ответил бы на них. Недостатки в биографии Яхмана незначительны. А сведения, которые он приводит, весьма уникальны.

Третья биография, автором которой выступает Эрегот Андрес Кристоф Васиански (Васянски) (1755–1831) во многом уникальна. Она отличается от первых двух. Во многом она посвящена последним годам жизни философа. Это не столько биография философа, сколько очерк последних лет жизни болеющего и умирающего старика.

Васянски написал биографию человека с пониманием, аккуратно и деликатно, видя в этом свой долг перед великим философом.

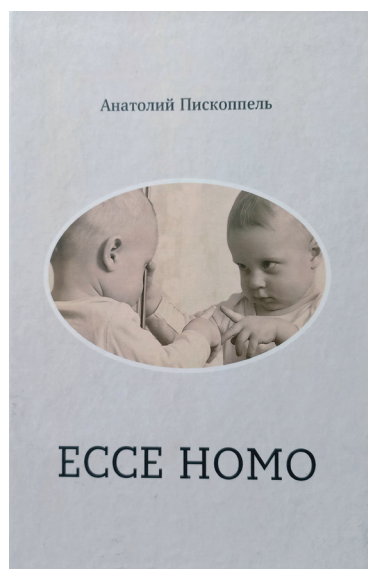
Васянски также посещал лекции Канта и некоторое время был даже его секретарем. В 90-е годы стал его душеприказчиком и в итоге организатором его похорон и распорядителем его имущества.

Также в сборнике представлена биография профессора теологии и философии Фридриха Теодора Ринка (1770–1811), менее известная, чем первые три, но удачно дополняющая деталями из жизни философа. Он также учился у Канта. Где-то в конце 90-х годов Кант передал Ринку и Йеше, еще одному своему студенту, часть своих рукописей. Какие точно, не известно. Но позже именно Ринк опубликовал потом лекции Канта по физической географии, по педагогике. Он был также участником знаменитых обедов у Канта и его коллегой по университету. А также издателем его сочинений. Известно, что Йеше позднее опубликовал лекции Канта по логике.

Также в сборнике публикуются ответы на анкету, составленную Самуэлем Готлибом Вальдом (1762–1828), профессором теологии и красноречия. Он составил анкету и разослал коллегам с просьбой, чтобы они ответили на ее вопросы. Эти вопросы показывают тот биографический и философский контекст, в котором рассматривается фигура Канта, и фактически лепится образ философа того времени.

На основании ответов, полученных от коллег, Вальд составил свой доклад, который он произнес на торжественном собрании в Альбертине в первый день рождения Канта после его смерти 23 апреля 1804 года. Сам доклад в этом сборнике не публикуется, но публикуются ответы на вопросы упомянутой анкеты.

В заключении хочется добавить, что по поводу этого сборника автор этих строк написал письмо одному из составителей, авторов обзорной статьи и комментариев А. Н. Круглову. Я задал ему вопрос, что не в том ли заключается главная проблема и забота автора философской биографии, что он должен показать не просто частную жизнь человека, но прежде всего момент рождения в человеке философа, опираясь при этом на реальные события биографии? Возможно ли вообще выполнить эту задачу? Круглов ответил, что как раз ответа на этот вопрос в этих биографиях, увы, не найти. Во-первых, мешает, похоже, непосредственная близость авторов к самому Канту, а во-вторых, и это, может быть, самое печальное во всех наших биографических сведениях о Канте, они преимущественно касаются его позднего, а то и совсем уж старческого периода. А о времени становления самого Канта как человека и как философа до нас дошли лишь незначительные крупицы.

Пископпель А. А.

Есسه Номо.

М.: Наследие ММК, 2024. 392 с.

Эту книгу написал методолог, член Московского методологического кружка, ученик Г. П. Щедровицкого, Анатолий Альфредович Пископпель. Это вдвойне удивительно, поскольку считается (кем?), что в СМД-методологии нет человека. Нет его ни в дискурсе, ни в языке, ни в концепте. А есть субстанция мыследеятельности, которая садится на людей и паразитирует на них. Поэтому мыслить может только мышление, а не человек. И паразитировать оно может не только на людях, но и на железках, и на каких угодно платформах.

Во много в этом представлении «виноват» и сам многолетний лидер ММК и создатель СМД-методологии. Георгий Петрович многократно на своих публичных выступлениях говаривал (автор этих строк свидетель и очевидец): Личность! Человек! Вранье это все! Вы, господа психологи, все это придумали. Есть субстанция мышления. Она садится на человека, или не садится. И через него начинает мыслить. Другое дело, человек способствует этому, становясь субъектом, или нет.

Во многом рассуждения Пископпеля и приведенные им в книге многочисленные отрывки из архивов ММК, ранее не опубликованные как самостоятельные произведения, опровергают этот миф. Человек для Щедровицкого есть и не только есть, но выступает ядром его мышления, сердцевинной его методологических конструкций.

Это вполне понятно и было детерминировано самим мыследеятельным подходом. Если задается деятельностный подход, то в нем неминуемо должен был появиться субъект мышления и действия, а значит и человек, как конкретная персона. Вот характерная цитата из архивной записи Щедровицкого 1978 года:

«Деятельностные представления нужны для того, чтобы строить деятельность и развивать ее. Методология дает эти представления человеку, тем самым дает возможность развиваться. А это и значит, что она реализует гуманистический идеал человеческой личности.

Она из робота делает человека. Научить человека учиться – это значит выработать у него рефлексивные структуры. Но это достигается только за счет методологического мышления, т. е., объединения объективного видения с рефлексивно-деятельностным. Это соединение есть главное, что несет методология» (с. 163).

Пископпель делает вывод, что, хотя и не явно, но на всех этапах развития МД-методологии антропологический аспект методологической работы сохранял свое значение. Именно в силу того, что методология вооружала человека средствами мышления.

В пределе основатель ММК полагал, что необходимо вырабатывать новую модель человека взамен той, которая была выработана еще в эпоху Возрождения и доминировала до сих пор.

Но в связи с завершением в начале 90-х годов истории самого ММК этот разворот в сторону антропологии не был осуществлен.

Фактически частично этот пробел пытается заполнить эта замечательная книга. Она хороша также тем, что автор погружает свой антропологический интерес в классическую антропологическую традицию, начиная с классических работ, показывающих совершение антропологического поворот в XX веке (автор анализирует работы М. Шелера, Н. Гартмана, Э. Кассирера, М. Хайдеггера). Пископпель выходит далее и на неклассический антропологический дискурс, сравнивая и анализируя синергичную антропологию (работы С. С. Хоружего) и «форсайтную антропологию» (термин автора) С. А. Смирнова.

И далее автор предлагает заход на построение методологических оснований персонологии – как такой парадигмы, которая в качестве главного своего предмета рассматривает развитие личности в самом широком спектре жизнедеятельности.

*В углу сидел и рылся в книгах.
С. Смирнов*